

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

МАРК ХЕЛПРИН

СОЛДАТ,
ВЕЛИКОЙ
ВОИНЫ

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х36

Mark Helprin

A SOLDIER OF THE GREAT WAR

Copyright © 1991 by Mark Helprin.
All rights reserved.

Перевод с английского *В. Вебера*

Хелприн, Марк.

Х36 Солдат великой войны / Марк Хелприн ; [пер. с англ. В. А. Вебера]. — Москва : Эксмо, 2015. — 768 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-80437-5

Впервые на русском языке — роман от автора «Зимней сказки» и «Рукописи, найденной в чемодане». «Солдата великой войны» сравнивают с книгами Ремарка, Хемингуэя, Пастернака. Казалось бы, о войне сказано очень много и очень многими, но каждая судьба, перекореженная колесом истории, интересна по-своему.

Герой романа Хелприна, Алессандро Джулиани, — профессор эстетики. Спустя полвека после Первой мировой войны он проходит некогда пройденный путь по дорогам, которые тогда, в 1914-м, были освещены таким же ярким солнцем, но все было совсем иначе, потому что шла война и солдаты, сбивавшие в кровь ноги на этих дорогах, могли в любой момент умереть.

«Я пообещал себе перечитывать эту книгу по крайней мере один раз в десять лет для проверки души», — пишет читатель. Мало книг, о которых можно так сказать.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-80437-5

© Вебер В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Посвящается
Александре и Оливии*

Глава 1

Рим в августе

Во второй половине дня девятого августа 1964 года Рим спал под ярким солнцем, слепящим колесом катившимся над его крышами, низкими холмами, золочеными куполами. Город застыл, разве что у нескольких сосен чуть качались кроны, в синем небе плыло одно заблудившееся облачко, да одинокий старик спешил пересечь парк Вилла Боргезе. Хромал по дорожкам, выложенным камнем, постукивал тростью на каждом шагу, пересекая хитросплетения солнечного света и тени, которые ложились ему под ноги золотистыми кружевами.

Пышные седые волосы Алессандро Джулиани — высокого, с прямой спиной — падали на плечи и плыли над его головой, точно пенный гребень волны. Возможно, потому, что он давно жил без семьи, в одиночестве, олени в заповеднике, а иногда и в лесу позволяли ему погладить их пятнистые бока и даже морды. И на горячих терракотовых полах в садах на крыше, и в других, самых разных местах, пусть это и может показаться случайностью, голуби садились ему на руки. Смотрели на него круглыми серыми глазами, а потом улетали, женственно шелестя крыльями. Зрелище это он находил прекрасным не только за изысканность и грациозность, но и за звук, плавно переходящий в полнейшую тишину.

Спеша по парку Виллы Боргезе, он чувствовал, как бурлит кровь, а пот щиплет глаза. Он шел по длинным зеленым тоннелям, птицы распевали на разные голоса при его приближении, но замолкали, когда он проходил под ними, словно он притягивал и вбирал в себя их гипнотический щебет, будто океанская волна, вливающаяся в устье реки. Седовласый, с густыми, тоже седыми усами, Алессандро

Джулиани мог бы сойти за англичанина, если бы не кремовый костюм определенно римского покроя и тонкая бамбуковая трость, никак англичанину не соответствующая. Торопливо, со срывающимся дыханием, постукивая тростью, он вышел из парка Виллы Боргезе на длинную широкую дорогу, которая поднималась на холм. С обеих сторон к ней подступал ряд умиротворенно застывших зданий, от чьих черепичных крыш солнечные лучи отражались в разные стороны, словно вода, падающая с высоты на камни.

Посмотрев вверх, он увидел бы ангелов света, танцующих над сверкающими черепичными крышами — в завихрениях, блуждающих огоньках, золотистых клубах, — но голову он не поднимал, сосредоточившись на одном: добраться до конца дороги к тому месту, где он сможет сесть на троллейбус, который к вечеру увезет его далеко-далеко в сельскую местность. Он в любом случае сказал бы, что лучше добраться до конца пути, чем увидеть ангелов, потому что их он видел уже много раз. Их лица сияли на картинах, их голоса звучали в долгих и проникновенных ариях, они спускались с небес, чтобы забрать тела и души детей. Они пели с ветвей деревьев, резвились в прибое и горных речках, вдохновляли танцующих, присутствовали в правильных и святых сочетаниях слов в поэзии. Поднимаясь на холм, он думал не об ангелах и их появлении в этом мире, а о троллейбусе, последнем, который в воскресенье идет из Рима этим маршрутом. Алессандро боялся на него опоздать.

* * *

Дорога поднималась на вершину практически по прямой, а спускалась уже зигзагом, причем, в отличие от многих других горных дорог, на поворотах располагались чашевидные фонтаны. Зигзаги также соединялись вырубленными в скале ступенями, и Алессандро Джулиани спускался быстро и не обращая внимания на боль. Постукивал тростью по каждой ступеньке, отчасти праздно, отчасти противодействуя, отчасти используя их как метроном, потому что давным-давно обнаружил: чтобы победить боль, надо отделить ее от времени, самого надежного союзника боли. Чем ниже он спускался, тем легче ему шагало, и когда до перекрестка, где он намеревался сесть на троллейбус, оставалось совсем ничего, Алессандро оказался в заросшем

зеленью овраге с десятью пологими пролетами ступенек и площадками между ними. Сквозь переплетенные кроны деревьев, образующих длинную темную галерею, через равные интервалы разрываемую спящим солнцем, он видел бледный круг света, к которому и держал путь.

Подходя ближе, он знал, спасибо откинтому синему навесу, что кафе, предназначенное исключительно для тех, кто ждет самый удивительный в Италии троллейбус, открыто, в отличие от едва ли не всех подобных заведений Рима. Он не удосужился купить подарки для внучки и ее семьи, но теперь знал, что сможет им что-нибудь привезти. И хотя его правнучка не считала еду за подарок, она бы уже спала к его приезду, а утром он мог сходить с ней в деревню и купить игрушку. Сейчас же он намеревался купить прошутто, шоколад и сухофрукты, надеясь, что их примут с той же благодарностью, как и более значимые подарки. Однажды он привез мужу внучки дорогое английское ружье, в других случаях привозил вещи, которых от него ждали: раньше он долгие годы получал деньги, которые не мог потратить на себя.

Столы и стулья на веранде кафе занимали люди и вещи. Провода над головой не вибрировали и не скворчали, указывая, что Алессандро Джулиани мог сбавить шаг, купить провизию и что-нибудь выпить. На этом маршруте провода начинают петь за десять минут до появления троллейбуса: так далеко передавалась вибрация, пока тот огибал холм.

Лавируя среди частогокола стульев, Алессандро смотрел на людей, с которыми ему предстояло ехать к Монте-Прато, хотя большинство покинуло бы троллейбус до последней остановки, а кто-то даже до того, как водитель опустит токоприемную штангу, переключившись на дизельный двигатель, и продолжит путь в те далекие края, куда не дотягиваются провода с городских улиц. Наличие резиновых шин и пантографа превращало это транспортное средство в нечто среднее между троллейбусом и автобусом, поэтому водители называли его мулом.

Рабочий-строитель в шапке, сложенной из газеты, сунул правую руку в ведро, пытаясь расшевелить вялого кальмара, которому — Алессандро это знал, — предстояло умереть в течение часа от недостатка кислорода. Заголовок, бежавший вдоль края шапки, скорее запутывал, чем что-то объяснял: «Греки строят мосты из золота до конца 1964 года».

Возможно, это как-то соотносилось с кипрским кризисом, но Алессандро предположил, что заголовок каким-то образом связан со спортом, сферой человеческой деятельности, о которой не имел ни малейшего понятия. Двое датчан, юноша и девушка в сине-белых студенческих фуражках, сидели рядом с немецкими армейскими рюкзаками, почти такими же большими, как и они сами. Шорты обтягивали их ноги, будто хирургические перчатки, и они так плотно и беззастенчиво обнимали друг друга, что не представлялось возможным отличить его гладкокожие и безволосые конечности от ее.

Несколько бедно одетых женщин из Рима, возможно, уборщиц или судомоек из столовой, сидели со стаканами чая со льдом и время от времени раздражались истерическим смехом, вызванным усталостью и тяжелой работой. Иногда они получали несколько выходных и возвращались в родную деревню, где сразу превращались в сильфидоподобных маленьких девочек, разительно отличающихся от послушных, одетых в шерстяные кофты толстух, какими стали. Когда Алессандро проходил мимо, они понизили голоса: его аристократичный вид, возраст, осанка и необычайная уверенность в себе разбудили воспоминания других времен. Они смотрели на свои руки, вспоминая режим не нынешней работы, а детства.

За другим столиком сидели пятеро мужчин в расцвете сил. Водители грузовиков, все в солнцезащитных очках, полосатых рубашках и выцветших армейских штанах. С могучими бицепсами и большими кулаками. С огромными семьями, работавшие не покладая рук, они думали, что знают мир, потому что ездили через высокие альпийские перевалы и проводили время с блондинками в немецких борделях. Машинально Алессандро превратил их в солдат давно закончившейся войны, которую вскорости могли благополучно забыть, но потом, одумавшись, демобилизовал.

— Еще не приехал, так? — спросил он у хозяина кафе.

— Нет, не приехал, — ответил хозяин, навалился на медный прилавок, чтобы посмотреть на провода, вибрации которых заменяло ему расписание. — Еще далеко. В ближайšie десять минут точно не приедет. — И все-таки ты припозднился, — продолжал он. — Вижу, что тебя все нет и нет, я и подумал, что ты наконец-то сдался и купил автомобиль.

— Ненавижу автомобили, — ответил Алессандро бесстрастно. — И никогда не куплю. Они уродливые и тесные. Лучше уж поеду на чем-то просторном и открытом или пойду пешком, в автомобиле у меня голова начинает болеть. При движении меня там частенько мутит, хоть до рвоты и не доходит. И выглядят они так дешево, что даже неприятно на них смотреть. — Движениями губ он имитировал плевок. В обычных обстоятельствах он бы никогда себе такого не позволил, но здесь он говорил на языке человека, который стоял за прилавком, ветерана Альпийской войны, как и сам Алессандро. — Эти *автомобили*, — Алессандро словно с неохотой признавал существование нового слова, — прямо везде, как голубиный помет. За последние десять лет я не видел ни одной площади без автомобиля. Их ставят где попало, так что пройти невозможно. Когда-нибудь я вернусь домой и наткнусь на автомобили у себя на кухне, в чуланах и в ванной.

Рим создавали не для того, чтобы по нему ездить, а чтобы он был красивым. Самым быстрым здесь положено быть ветру, а деревья, гнущиеся и качающиеся, предназначены, чтобы его притормаживать. Теперь он как Милан. Теперь гибнут даже самые ловкие, самые шустрые дворовые коты, потому что не успевают перебежать улицы, на которых — и я это помню, — корова могла спать всю вторую половину дня. Атмосфера какая-то иступленная, бешеная, все постоянно куда-то идут, говорят, едят, трахаются. Никто, кроме меня, уже не сидит спокойно и тихо.

Он глянул на ряд медалей, выставленных под стеклом над батальоном бутылок со спиртным. У Алессандро тоже были медали. Он держал их в сафьяновой папке, которая лежала на верхней полке кресла в его кабинете. Папку не открывал уже много лет. Знал, как в точности выглядят медали, за что его ими наградили, но смотреть на них не хотел. Каждая, потускневшая или блестящая, возвращала его в то далекое время, которое он считал одновременно и слишком мучительным и слишком прекрасным, чтобы вспоминать, ему не хотелось превратиться в одного из множества стариков, которые, точно люди, пристрастившиеся к абсенту, с головой ушли в грезы. Если бы ему принадлежало кафе, он бы, наверное, тоже вывесил все свои медали над стойкой бара, бизнесу это только на пользу, но, пока оставалась

такая возможность, он предпочитал держать определенные воспоминания под замком.

— Позволь тебя чем-нибудь угостить, — сказал хозяин. — За счет заведения.

— Благодарю, — ответил Алессандро. — Тогда стакан красного вина. — Выражение «за счет заведения» всегда ассоциировалось у него с чем-то огромным, в двадцать или пятьдесят раз больше кафе, в котором он сейчас находился: с казино, или курортным отелем, или островом, где толпились немки в мини-купальниках.

Взяв бутылку, хозяин спросил:

— Что-нибудь поесть? Хлеб? Сыр?

— Да, но за это я заплачу, — сказал Алессандро.

Быстрый взмах руки говорил: *«Я, по крайней мере, предположил, но рад, что ты хочешь заплатить, потому что, хотя сводить концы с концами еще удастся, в последнее время делать это все труднее и труднее»*. Потом, когда Алессандро уже начал есть, хозяин придвинулся и, понизив голос, сказал:

— Видишь эту парочку? — он бросил короткий взгляд на любвеобильных датчан. — Погляди на них. Все, что они могут, так это есть и трахаться.

— Жаль, что я не могу.

На лице хозяина отразилось недоумение. Он видел, как Алессандро энергично откусывает то сыр, то хлеб.

— Что это ты делаешь?

Алессандро проглотил, встретился глазами с хозяином.

— Я могу сказать, чего я не делаю.

— Да, но это *все*, на что они способны.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я, если бы следовал их примеру, не смог бы делать ничего другого, понимаешь?

— Если бы ты делал то же самое, что и они, ты бы умер, — с абсолютной уверенностью заявил Алессандро. — Знаешь, что они делают? Я тебе скажу. Они обедают, а потом идут к себе в отель и двенадцать часов занимаются физическими упражнениями, вжимаясь друг в друга, чтобы заполнить все впадины. Днем они спят в автобусах и на пляжах. Ночью они Паоло и Франческа.

— Это омерзительно.

— Вовсе нет. Ты завидуешь их блаженству, потому что в наши дни о таком и не мечтали.

— Да, но я в их возрасте гонял мулов, настоящих мулов! Алессандро ждал продолжения.

— Перегонял караваны мулов через перевалы в разгар зимы. Животных нагружали под завязку, лед был таким крепким и гладким, что иногда они гибли. Соскальзывали с тропы и падали в пропасть, всегда без единого звука, а мы шли дальше. Снег слепил, над нами высились обледенелые скалы, а если лед таял, перевал затягивало туманом.

— Они-то здесь при чем? — спросил Алессандро, глянув на молодых датчан.

— Они ничего этого не знают, и меня это возмущает. Я им завидую, есть такое, но я гордый.

— Если ты был погонщиком мулов, возможно, я тебя видел, — предположил Алессандро, — возможно, говорил с тобой полвека тому назад.

Они не стали развивать эту тему, хотя, разумеется, их пути могли пересечься: на севере линия фронта растянулась лишь на несколько сотен километров. Несомненно, они могли бы вспомнить, что им тогда пришлось пережить, но оба понимали, что не стоит говорить об этом в те несколько минут, что остались до прихода троллейбуса.

— Когда-нибудь поговорим об этом, — нарушил молчание хозяин кафе, — но... — Он замялся. — Говорить об этом — все равно что исповедаться в церкви.

— Понимаю. Тоже никогда об этом не говорю. Хочу купить кое-что из еды, прежде чем подойдет троллейбус. Принесешь?

Хозяин сновал между прилавками и шкафами, когда запели провода и люди на веранде принялись оглядывать свои вещи, чтобы убедиться, что они не отправились на прогулку или их не украли ловкие и невидимые воры. Перед Алессандро Джулиани уже лежало с полдюжины аккуратных свертков, и он убрал их в тонкий кожаный «дипломат».

Провода пели точно послеполуденные цикады. То и дело один из них натягивался так сильно, что издавал пронзительный визг, конкурируя с самым худшим сопрано в самом жарком городе Италии.

— Сколько? — спросил Алессандро. Он уже заспешил, заранее зная, что ему будет не так-то легко взобраться на высокую ступеньку троллейбуса, а потом придется еще доставать деньги, опираясь на трость и пытаясь не уронить

«дипломат» и бумажник в трясущемся и болтающемся из стороны в сторону троллейбусе.

Хозяин не ответил. Троллейбус огибал поворот. Гремел, точно передвижной металлообрабатывающий цех.

— Сколько? — повторил Алессандро. Люди уже покинули веранду и ждали у дороги.

Хозяин поднял правую руку, словно хотел остановить транспортный поток.

— Что? Опять? — спросил Алессандро.

Хозяин покачал головой.

— Мы уже не солдаты, — тихим голосом напомнил Алессандро. — Это было в прошлой жизни. Теперь все изменилось.

— Да, — кивнул хозяин, — но когда-то, пусть и в прошлой жизни, мы были солдатами. Иногда все это как нахлынет, и у меня щемит сердце.

* * *

Стоимость проезда до Монте-Прато возросла с 1900 до 2200 лир. Это означало, что Алессандро не мог, как он рассчитывал, просто отдать две купюры по тысяче лир, положить в карман сдачу и пройти в салон. В результате пришлось держать в руках так много вещей в просторном троллейбусе, который неистово мотало из стороны в сторону, да еще и шуриться от бьющего в глаза солнца. С трудом ему удалось вытащить из бумажника купюру в пятьсот лир, но, возможно, не оторвись юный датчанин от своей прекрасной и загорелой возлюбленной, чтобы взять «дипломат» Алессандро и поддержать его локоть, совсем как сын, помогающий отцу, все равно ничего хорошего бы не вышло.

Алессандро поблагодарил юношу, обрадованный тем, что распушенность в поведении не сопровождается отсутствием уважения к старшим.

Лучшее свободное место оказалось рядом с человеком в шапке из газеты и с кальмаром.

— Добрый день, — поздоровался Алессандро и с человеком, и с кальмаром. Подозревая подвох, рабочий-строитель хмуро отвернулся к окну.

Несколько минут спустя он посмотрел в ведро и ткнул в кальмара пальцем. Потом поднял голову и взглянул на Алессандро, будто хотел возложить вину на него.

— Умер, — в голосе слышались обвиняющие нотки.

Алессандро пожал плечами.

— В воде недостаточно кислорода.

— Вы это о чем?

— Чтобы дышать, ему нужна насыщенная кислородом вода.

— Бред какой-то. Рыбы не дышат. Они живут под водой.

— Нет, они дышат, дышат. В воде есть кислород, и они извлекают его с помощью жабр.

— Так почему же этот не извлекает?

— Он извлекал, но потом кислорода не осталось, и тогда он умер.

Рабочий-строитель предпочел найти другую причину.

— Эти мерзавцы из Чивитавеккьи продали мне большого кальмара.

— Если вам хочется так думать...

Рабочий-строитель задумался.

— Он бы жил, если бы я вдвух в воду воздух через соломинку?

— Вероятно, нет, потому что вы вдвухали бы больше углекислого газа, чем кислорода. Куда вы едете?

— В Монте-Прато.

— Никаких шансов. — Алессандро на несколько секунд прикрыл глаза, чтобы подчеркнуть весомость своего вывода. — Слишком жарко. Ведро следовало наполовину наполнить льдом.

— Откуда вы все это знаете? Мне кажется, вы ошибаетесь.

— Я знаю, потому что это очевидно.

— У вас что — рыбный рынок?

— Нет.

Строитель посмотрел на него с подозрением.

— Если у вас нет рыбного рынка, что вы делаете?

— Я профессор.

— По рыбе?

— По курам, — ответил Алессандро.

— Тогда вы мало что знаете о рыбах.

— Дело в том, — Алессандро назидательно поднял палец, — что кальмар — не рыба.

— Не рыба?

— Ну да.

— А кто же это?

— Разновидность курицы, морская курица.